

Гончаров Л.

Охотник-натуралист на фронте

12 марта, 1943 год, дер. Гремячевка, Доминический р-н, Смоленской области.

...Сегодня я увидел целые стаи грачей. Они меня очень обрадовали, и, может быть, именно эти знакомые с детства милые птицы и натолкнули меня на мысль начать писать заметки фауниста на фронте.

Я не совсем уверен в том, насколько это занятие уместно на войне, но этим я отдаю должное своей специальности, своей любви к родной природе, которую я всегда так стремился познать. В своих фронтовых записках я хочу, в первую очередь, найти маленький и, надеюсь, позволительный отдых, маленькое переключение, которое не может не оказаться полезным для тех дел, совершить которые потребует от меня война.

За последнее время я иногда стал ловить себя на том, что кое-что из того, что ранее знал, стал забывать. Это испугало меня, хотя и не является чем-то совершенно неожиданным. Скоро два года, как я на фронте. Необычайные впечатления фронтовой обстановки могли многое стереть в памяти. Это также было одной из причин, заставивших меня взяться за перо.

О том, будут ли когда-нибудь напечатаны эти материалы или нет, я сейчас не задумываюсь. Во всяком случае, фаунисты могли бы найти применение этим запискам, так как я буду говорить лишь о необычных или редких явлениях. Это особенно удобно для меня, так как все эти годы я находился на Западном фронте, и большую часть в Смоленской области, т. е. в той области, которую я знаю лучше всех остальных и над фауной которой я работал в продолжение, по крайней мере, десяти лет. Следовательно, экология и биология зверей и птиц мне достаточно знакомы; будучи в прямой или косвенной зависимости от войны, они претерпевали в отдельных случаях более или менее глубокие изменения. Их-то я и считаю необычными, и о них главным образом и буду говорить.

За исключением весьма популярно изложенной и поверхностной заметки о ласточках, гнездящихся на бетонных укреплениях «линии Мажино», я не слышал о наблюдениях над животными в зоне военных действий. Вопрос же о поведении животных в условиях войны может представлять не малый интерес, так как война и все сопутствующие ей факторы часто коренным образом меняли обстановку, в которой привыкли обитать те или иные представители фауны.

Кроме того, изменение природной обстановки в связи с войной проходит для некоторых животных и птиц как катастрофа и резко изменяет в лучшую сторону условия существования других. А это очень важно, если иметь в виду, что порой легче познать биологию того или иного вида в ее отдельных частях и его экологическую зависимость именно тогда, когда обычный ритм жизни этого вида резко нарушается. Особенно относится это к вопросам приспособляемости в условиях быстро меняющейся обстановки и к изучению психологии животных там, где она проявляется в их отношениях к человеку.

Конечно, я не ставлю целью разрешение этих больших проблем: для этого нет ни условий, ни времени, но те явления, которые будут сами попадаться на глаза, я буду тщательно записывать и пытаться объяснять их.

Летом 1941 года (в августе) шли бои на р. Днепр и р. Воль, в Ярцевском районе. Мне очень хорошо знакомы эти места, где обитали некоторые чрезвычайно редкие и любящие уединение птицы. Так, здесь гнездились орлан-белохвост и черный аист.

Во время боев здешние леса и болота поразили меня своей пустынностью. Не было заметно ни млекопитающих, ни птиц даже на таких прежде оживленных реках, как Воль и Устром.

Грохот боя повис над лесами, болотами, реками, и все живое покинуло эти тревожные края.

Это, видимо, является обычным делом. Полосу внезапно пришедших боев покидают и звери и птицы, за исключением ряда мелких животных. Там, конечно, остаются мышевидные грызуны, мелкие куньи, хищники и виды мелких певчих птиц.

Лишь потом, когда бои уходили из этих мест, животные опять возвращались на старые места.

Между прочим, для многих осторожных видов, по-видимому, особенно пугающим является не грохот выстрелов и разрывов, а то, что леса вдруг наполняются людьми, ищущими здесь укрытия от наземного и воздушного противника.

Однако этого мало. Животные, которые не были изгнаны приходом людей или снова вернулись сюда, через некоторое время начинают проявлять крайнюю доверчивость (часть видов или отдельные особи — трудно сказать; последнее вероятней).

Так, летом 1942 года мне пришлось часто наблюдать канюков, удонов, соек и других птиц. Они попадались в лесах и перелесках, буквально переполненных бойцами.

Удод — довольно осторожная на Смоленщине птица — здесь, на лесных дорогах, подпускал на 5—6 шагов, отбегал некоторое расстояние, неохотно взлетал и пересаживался несколько дальше. Сойки позволяли подходить к ним почти вплотную, а зарянки гонялись за насекомыми буквально в двух шагах от меня.

Странно было видеть это, но факт сам по себе не представлялся загадочным. Видя постоянно и повсюду людей, а главное, замечая, что люди не преследуют их, птицы, естественно, должны были «привыкнуть» к ним и стать менее осторожными, чем обычно.

Впрочем, дело не только в этом. Осенью того же года (сентябрь-октябрь) мы столовались и жили, как обычно, в лесу. Походная столовая представляла строение с плетеными из ветвей стенами и толевой крышей. Скоро я стал замечать, что около столовой постоянно вертятся несколько больших синиц. Они подбирали остатки пищи и скоро сделались так смелы (особенно поползни), что стали появляться и в самой столовой. Вид вертлявого поползня, бойко прыгающего по земле между столами, просто изумлял меня. Подхватив какой-либо кусочек, он вылетал через отверстие в редко сплетенной стене, а потом появлялся снова.

Здесь животные уже не просто мирились с человеком, но тяготели к нему, питались за его счет. Связующим фактором была, конечно, только пища.

Аналогичный случай я наблюдал тогда же. В шалашах жить было уже нельзя: ночи стали холодными. Мы переселились в блиндажи, где в крышах между накатами бревен была проложена для утепления солома. В ней очень скоро появились мыши (главным образом лесная мышь и различные грызуны). Их было много, и они весьма надоедали всем нам.

В одну из темных и пасмурных ноябрьских ночей я услышал странный жалобный крик. Я сидел на койке и курил. Крик повторился снова. Какая-то птица кричала где-то совсем рядом. Это был мохноногий сычик.

С тех пор я почти каждую ночь слышал его голос. Он прилетал уже в темноте, садился прямо на блиндаж, и в мокром смешанном лесу тоскливо звучали странные крики. Только раз увидел я его днем. Он сидел в густом сплетении ветвей старой ели, подпустил меня очень близко и гримасничал, блистая яркими желтыми глазами.

Вначале я не понимал, что привлекает сюда сычика. Иногда он очень надоедал своим тоскливым голосом; кто-либо из командиров выходил из блиндажа и выстрелом из пистолета прогонял птицу. Но через некоторое время он снова прилетал. Почему? Разгадка пришла скоро. Я нашел на крыше погадки. Они состояли из одних костей и шерсти мышей. Зверьков этих много было у блиндажей, и вот, не стесняясь присутствием людей и даже выстрелов, сыч каждую ночь прилетал на охоту.

25 апреля, 1943 год.

Я прерываю свои воспоминания для того, чтобы описать один случай. Он так необычен, что хочу записать его, пока он не изгладился из памяти.

Располагая свободным временем, я приехал к одному из своих старых знакомых охотников на унылый безлесный участок. Еще по дороге я предполагал, что вечер пройдет в воспоминаниях о былом, о прошлых охотах. На переднем крае было сравнительно тихо: части занимали оборону.

После обычных приветствий, обычных вопросов — что нового на передовой и как ведет себя противник — приятель предложил мне наскоро пообедать и ехать... на тягу. (Необычно звучит на фронте — «на тягу!»)

Я был очень удивлен этим и обрадован, но тотчас же вспомнил, что поблизости нет леса, охотничьих ружей тоже нет.

— Пустяки. Два ружья я достал, леса же действительно нет, но недалеко есть кустарник, и там я вчера днем вальдшнепа вспугнул... Может быть, и протянет один-другой.

Солнце садилось, когда мы были на месте. Кустарник низкий и небольшой, довольно сырая почва поросла ивняком и липняком.

Стация, конечно, очень малоподходящая для вальдшнепа, тем более что на пролетных особенно рассчитывать уже не приходилось. И тем не менее, чуя влажную прохладу весеннего вечера, видя краски заката, ощутив в руках охотничье ружье, я поверил в возможность тяги. Может быть, только в свои мальчишеские годы волновался я так, как теперь, в двух километрах от передовой... и на тяге.

С воем и шелестом пролетела бризантная граната и разорвалась вверху над головами. Вторая, третья... Клубки черного густого дыма четко выделялись на ясном небе и в безветрии висели почти не расплываясь. Мой приятель многозначительно свистнул. Немцы вели артиллерийскую пристрелку по этим кустам. Но зачем? Неужели будет артналет?

Снова все стихло, только сонно пропела овсянка; сороки, стрекоча, возились в кустах, устраиваясь на ночлег. Вечерело. Внезапно полилась знакомая задумчивая песенка зорянки — обычной спутницы тяги. Неужели не пустится в брачный полет вальдшнеп? Или гул и грохот стрельбы испугали птицу, подавили любовный инстинкт. Да и есть ли он — вальдшнеп — здесь?

Вдруг воздух наполнился шипением и воем снарядов. Столбы взорванной земли и дыма встали над кустами. Артналет! Снаряды летели беспрестанно. Оглушительные разрывы; визжащие осколки справа и слева рубят и рубят кустарник. Надо лечь, но почему-то унизительным показалось мне это сейчас. Я сел в мелкую воронку и ждал уже неведомо чего, не выпуская ружья из рук. А немцы неистовствовали, точно хотели уничтожить весь этот кустарник.

Внезапно среди дыма разрывов я увидел летящую птицу. Это был вальдшнеп. Он тянул прямо через меня, беспокойно ворочая клювастой головой и как-то странно припадая то на одно крыло, то на другое от близких взрывов. Я едва слышал его обрывистый свист и смотрел на него радостно и благодарно. Какой-то комок подступил к горлу, но я давно научился плакать...

Мне и в голову не пришло выстрелить в вальдшнепа.

Вальдшнеп исчез за кустами. Любовный инстинкт птицы оказался сильнее страха, сильнее даже моей охотничьей страсти. Он открыто летел, а ведь я все-таки спрятался в воронку.

Мы едва выбрались из этих кустов, накрытых вражеской артиллерией.

3 июня, 1943 год.

Давно я не брался за эту истрепанную тетрадь. Постоянные перемещения и бои мешают этому. Кроме того, я, оказывается, не могу писать всякий раз, как случится свободное время. Для этого необходимо соответствующее настроение, а оно, понятно, не всегда бывает таким.

Весна в смысле наблюдений не принесла ничего особенно нового. По-прежнему многие птицы проявляют поразительную доверчивость. Так вела себя и ушастая сова, устроившаяся выводить птенцов в старом сорочьем гнезде, у самого блиндажа, на ели, и жулан, и коноплянки, и многие другие. Дико и странно выглядят полуразрушенные пустые села. Людей нет, но по-прежнему много грачей, галок, стрижей, ласточек, скворцов...

7 июня, 1943 год.

Видел стайку широконосок, особей в 20—25. Летели высоко, выстроившись в линию. Появление такой стайки совсем не своевременно (у самок сейчас молодняк нелетающий, самцы линяют). Единственное объяснение, что это холостые, взрослые птицы, у которых кладки пропали, вернее всего их забрали. Бойцы подразделений, стоящие в тылу первой линии, не упускают случая полакомиться яичком. Сбор яиц чибисов я и сам наблюдал весной. Считаю результатом этого и появление в конце мая табунков чибисов, перемещающихся из одного участка на другой.

23 июля, 1943 год, дер. Тризино, Карачевского р-на, Брянской области.

Упорные наступательные бои не оставляли времени для записей, но сегодня выпал свободный вечерок, и я решил воспользоваться им, чтобы записать старые наблюдения, пока еще не изгладившиеся из памяти.

...Зима 1942/1943 года была в Сухиничском районе малоснежной и не очень холодной. Еще с осени замечалось в прифронтной полосе большое количество мышевидных грызунов, главным образом полевок и в меньшей степени лесных мышей. Зимой они появились массами. Снег пестрил мышинными следами. Зверьки бегали и ночью, и днем, но выглядели как-то странно. Шерсть была взъерошена, движения неуверенные, часто слабые. Грызуны явно были больны. Местами я наблюдал миграции, но они не производились на большом расстоянии.

Вскоре поведение и состояние грызунов объяснились. У нас начались заболевания эпидемического порядка — туляремия. Две формы, ярко выраженные, отличительные, — легочная и бубонная — были в одинаковой степени тяжелы. С мышами началась борьба, она давала результаты, но никто, вероятно, не оценил по-настоящему других факторов, имевших, очевидно, решающее значение и резко снизивших поголовье грызунов к весне.

Лисицы, как можно судить по помету, питались тогда только мышами и полевками. Серые вороны явно охотились за ними же. Ледяная корочка снега там и сям была покрыта розовыми пятнышками: здесь ими был расклеван грызун. Часто мне приходилось видеть ворону, спокойно летевшую над полем; иногда она делала в воздухе резкий поворот, опускалась на снег и, размахивая крыльями, неуклюжими прыжками за чем-то гонялась. Потом на этом месте я находил остатки съеденной полевки.

Однако, истребляя очень много грызунов, они не являлись главными их врагами.

В эту зиму в Сухиничском районе в большом числе задержались зимняки или другие хищники; по крайней мере, я видел издали очень светлых особей. Весь январь и февраль эти птицы держались одних и тех же мест. Они с раннего утра охотились, то типично по-сарычиному кружась над снежными полями, то парили в воздухе, размахивая крыльями на месте, то высматривали добычу, сидя на вершинах деревьев, телеграфных столбах и проч. На довольно большом поле я насчитывал до пяти-семи зимняков. За день видел их по нескольку десятков. В пойме реки Жиздра, непосредственно в зоне боя, они сидели на вершинах низкорослых дубов — охотились, совершенно не обращая внимания на выстрелы и разрывы мин и снарядов.

Зимняки уничтожали огромное количество мышевидных грызунов. Около всех камней на полях, около одиноких деревьев и пней можно было всегда разыскать несколько погадок, состоящих исключительно из шерсти и костей полевок и мышей.

Всю зиму держались здесь зимняки, причем, насколько я мог заметить, их распределение по району отнюдь не было равномерным, определялось густотой мышиноного населения. Таких мест птицы не покидали и встречались здесь постоянно. Были они довольно доверчивы.

В ясные ночи мне часто случалось наблюдать за охотой некрупных сов, видеть отпечатки их следов на снегу рядом с остатками полевок. Для неясности серой эти птицы были мелковаты и слишком стройны. Одним словом, вначале я никак не мог понять, с каким видом сов имею дело. Позже мне повезло. Удачной очередью из автомата я убил одну из этих сов, присевшую в сумерках на телеграфный столб. Это оказался самец ушастой совы. И тот и этот вид, вопреки обыкновению, зимовал здесь только в связи с обилием пищи — грызунами; только так можно объяснить это явление.

И, наконец, еще одно замечательное наблюдение. Однажды я вышел на опушку соснового леса (это было в январе 1943 года). Впереди лежало поле, хорошо просматриваемое немцами и простреливаемое их снайперами и пулеметчиками. Поэтому, прежде чем перейти его, я остановился и тут же увидел охотящегося

над снежным полем маленького соколка. Он трепетал в воздухе совсем, как пустельга, но затем очень быстро перелетал на новое место; вообще в его внешности было что-то такое, что я ясно понял: это не пустельга.

Птица все приближалась, не замечая меня: я был одет в белый маскировочный костюм. Наконец, она оказалась от меня не далее тридцати-сорока метров. Это был дербник. Он охотился тоже за мышами и делал это необычайно, совсем как пустельга. Я и раньше видел вдруг повисавших в воздухе чеглока или дербника, но это были редкие отдельные моменты. Здесь же это была система, манера охоты.

...Что-то необычайно рано летят журавли. 16 августа я услышал голоса пролетающей стаи. 22 августа до пятидесяти этих птиц летели правильным клином на юг. Не помню, чтобы мне приходилось видеть столь ранний отлет.

...Наблюдал нескольких крапчатых сусликов и чернолобого сорокопуга. Не знал, что последний здесь поднимается так высоко к северу. Может быть, это единичная птица? Во всяком случае, интересно.

...Забыл записать, что в июле в районе Ульяново, Калужской области, наблюдал сразу трех чернолобых сорокопугов (очевидно, самец и две самочки). Они перелетали по кустикам полыни и имели вид совершенно местных птиц.

13 августа, 1943 год.

Перед вечером вышел из дер. Гремячи (не то Карачевский, не то Навлинский район; после уточню по карте) и стал пробираться по дороге (ее только что начали разминировать). Шел, смотрел под ноги, вдруг мой спутник кричит: «Гуси!»

Оглядываюсь и вижу четырех очень крупных птиц. Это были дрофы. Метрах в ста они свернули, чтобы не лететь над кустарником, и потянули над полем, где стоял разрушенный сарай. Здесь отдыхали автоматчики, встретившие незнакомых птиц дружным огнем. Одна дрофа упала, а три продолжали лететь на север, и, так как здесь было много войск, их все время провожали выстрелами.

Я подошел к бойцам, убившим дрофу. Она была молодой птицей и, когда ее ощипали, оказалась довольно худой. Этот случай очень интересен. Случайные залеты одиночных дроф простирались довольно далеко на север, но я хорошо помню, что гнездования ее севернее Севского района, Брянской области, очень редки. То, что они оказались так далеко на севере, ставлю в зависимость от того, что южнее сейчас как раз идут большие бои. Крупные эти птицы всюду привлекают внимание, по ним стреляют. Стайка птиц, вытесненная из своих коренных степных мест, и залетела сюда.

...На железнодорожной станции Нелидово, ныне Великолуцкой области, интересуюсь судьбой Центрального лесного государственного заповедника, я стал расспрашивать местных жителей о лосях. Все они утверждали, что лоси не покинули этих мест. В разгар боев их видели непосредственно у линии фронта. Очевидно, обширные леса давали возможность крупным животным скрываться и чувствовать себя в безопасности. Близкие звуки боя, видимо, не очень тревожили лосей.

10 октября, 1943 год.

Наблюдал две стаи журавлей. Оба клина были обстреляны пулеметным огнем. За одной стаей наблюдал около часа. Очевидно, близко пролетающие пули очень напугали птиц. Журавли явно потеряли ориентировку и бестолково кружились, смешав строй. Я вспомнил, что и раньше наблюдал это явление. Тогда это тоже были журавли. Встреченные сильным огнем, они шарахались, ломали строй, причем зачастую я не видел у них неуклонного стремления придерживаться прежнего направления (а ведь это был осенний пролет). Случалось, что напуганные стаи летели даже назад.

Мало того, одиночные птицы и пары бывали, по-видимому, окончательно сбиты с толку и вели себя более чем странно. В конце апреля 1943 года я видел одинокого журавля, который около двух часов держался у линии фронта. Отовсюду встречаемый выстрелами, он точно недоуменно оглядывался, взлетал, снова опускался на жнивье и не пытался улететь дальше. Дошло до того, что, когда к нему направился автоматчик, эта, обычно такая осторожная, птица подпустила открыто идущего человека метров на сто. Потом, беспокойно вертя головой, птица стала отходить и взлетела только от второй, пущенной мимо, очереди из автомата. Я уверен, что этот журавль не был ранен, и его поведение, очевидно, объясняется просто полной потерей ориентировки. Птица, так сказать, потерялась.

5 ноября, 1943 год, дер. Броды, Великолуцкой области.

В дер. Броды, Великолуцкой области, мне рассказывали о том, как весной 1943 года здесь был убит одним бойцом дикий козел (косуля). В прежнее время здесь, говорят, водилось много белых аистов, но все они были перебиты бойцами за минувшую весну. (Крылья этих птиц я видел в избах колхозников.) Белый аист очень постоянен в местах гнездовых, и поэтому не будет невероятным, если этот вид на несколько лет исчезнет из тех районов, где он был истреблен.

Здесь — край озер. Попав сюда в конце октября, предполагал увидеть много водоплавающей птицы. Но озера оказались пустынными. Изредка пролетит лишь стайка уток, а еще реже заметишь их плавающими. Все леса вокруг озер полны вооруженными людьми. Едва птицы опустятся на воду, как в них уже летит пуля, они перелетают на следующее озеро — там та же история. В результате — озера без птиц.

15 ноября, 1943 год.

Был южнее Великих Лук. Здесь, среди открытых многочисленных холмов, проходит линия фронта. Моренные холмы так однообразны, что среди них легко заблудиться даже опытному человеку. Холмы поросли низкорослым ольховым кустарником. Всюду масса дорог и людей. Здесь и огневые позиции, и траншеи, и тылы, и обозы, и палатки. Все склоны холмов покрыты блиндажами, изрыты щелями. Бьют пушки, минометы, пулеметы. Я нарочно так подробно говорю обо всем этом, чтобы ясно подчеркнуть, что в этих открытых, оголенных местах, так густо насыщенных народом, трудно было предполагать присутствие чего-либо живого.

Утром я пошел по полотну железной дороги. Она находится под методическим огнем противника, а потому по ней не только не ходят поезда, но и люди появляются нечасто. На свежавывающем снегу я увидел следы зайца-русака. След шел вдоль полотна железной дороги.

В тот же день километрах в пяти от этого места я видел, как два бойца, спустившиеся в болото, чтобы нарвать осоки для лошадей, вспугнули русака. Вокруг этого болотца всюду были блиндажи.

Здесь же и в этот же день я видел стайку серых куропаток, буквально у передовой линии. Судя по их поведению, они жили здесь постоянно.

Просто удивительно, как могут ютиться животные среди людской сутолоки, там, где и укрыться-то по-настоящему негде. И это — виды относительно осторожные. Бойцы рассказывали, что здесь же, на самой передовой линии, они часто видят тетеревов. Отдельные ли это «смелые» особи или все такие, судить пока не будем.

1 декабря, 1943 год, дер. Черные болотца, Витебской области.

Я уже не раз писал об удивительной доверчивости некоторых животных и потому повторяться не буду. Скажу только, что в обилии встречающиеся по деревьям зеленушки и снегири не перестают привлекать мое внимание. Но здесь я хочу отметить другое. Никогда не случалось мне видеть в населенных пунктах столько певчих птиц, как в этих белорусских деревнях.

Причина оказалась проста. Боевые действия, проходившие здесь осенью, не дали возможности населению обмолотить лен. Только в октябре (в конце) лен был привезен с поля и в снопах сложен под стенами строений, защищаемый навесом крыши от дождя. Семенные коробочки были полны. Это и привлекло птиц. Питаются они только льняным семенем. Зеленушки, помнится, должны были уже в большей части отлететь. Однако их очень много; и, может быть, они будут держаться здесь всю зиму.

Говорят, лен раньше никогда не оставался в зиму необмолоченным. Зима предстоит для этих видов легкая — в кормах им помогла война. Груды снопов льна буквально кишат и мышевидными грызунами. Особенно много мышей-малюток и полевых. Полевки менее многочисленны.

Наблюдая за птицами, я заметил, что каждый день появляются в основном одни и те же. Особенно это заметно у снегирей. Я в первый, же день сосчитал количество самцов в стайках, что позволило узнавать эти стайки и позже. Видимо, вокруг каждого населенного пункта формируется определенная, зимняя орнитофауна.

Добыл снегиря-самца. В желудке — только семена льна. Они измельчены клювом, имеют вид клейкой кашицы.

5 декабря, 1943 год.

Вчера была метель. Ходил по передовой и видел двух зимняков. Они кружились: охотились. Из литературы знаю, что зимники иногда держатся у нас всю зиму (но это крайне редко). Помню, еще ребенком я видел в середине зимы каких-то крупных птиц, кружившихся над полем. Тогда я, конечно, не мог знать их название, но их внешний вид запомнил хорошо. Позже, уже занимаясь птицами и зная их, я понял, что видел тогда именно зимняков. Таким образом, за двадцать лет я видел их зимой всего один раз, с войной же началось другое. В зиму 1942/1943 года их было очень много в Сухиничском, Думиничском и Козельском районах (я уже писал об этом). Они держались до самой весны. В этом году я вновь вижу их. Итак, они зимуют два года подряд в наших местах. Это необычайно. Только обилием грызунов можно объяснить этот факт. Мышевидных грызунов действительно очень много. Я об этом упоминаю очень часто, но они попадают на глаза в таком количестве, что невольно обращают на себя внимание.

21 декабря, 1943 год, дер. Аскерино (севернее Витебска, около 70 км).

С 15 по 18 декабря бродил по переднему краю. Шли успешные наступательные бои, и в связи с ними я и прибыл сюда. Времени свободного, естественно, не было совсем, и, однако, успел заметить кое-что такое, что должен записать непременно.

Вместе с гвардии майором Богаловым шли мы по дороге. Местность болотистая, взрытая танками, жидкая торфяная почва вылезла на снег. Мое внимание привлекла какая-то птица, взлетевшая с дороги и снова опустившаяся на нее. Мы подошли ближе: скворец в обычном осеннем пере (я хорошо рассмотрел доверчивую птицу) суетливо бегал по дороге, что-то разыскивая. Дважды он слетал и садился. Потом облетел нас вокруг и опустился сзади. Мы продолжали наш путь.

Вечером того же дня километрах в двадцати от этого пункта я видел стайку из пяти этих птиц. Поразительно! Никогда до сих пор не видел я их зимой да и не слышал, чтобы они зимовали у нас. Зима пока не холодная, но как они будут себя чувствовать при сильных морозах?

16 декабря перед вечером я с несколькими товарищами был на поле боя. Бой переместился на высоту. Один из моих спутников подошел к убитому автоматчику, взял у него из сжатых рук автомат. Затвор был отведен на боевое положение. Мой спутник поднял автомат и нажал на спусковой крючок. Прогремела очередь. Тотчас же у него из-под ног вылетела какая-то крупная птица, едва не натолкнулась на меня и опрометью шарахнулась вверх, широко раскинув крылья. С совершенной отчетливостью узнал в ней болотную сову. Час спустя та же или другая птица этого же вида вновь пронеслась у меня над головой. Итак, болотная сова тоже зимует здесь...

17 декабря довелось наблюдать еще одну интересную сцену. Возвращаясь с наблюдательного пункта в одну деревушку, чтобы пообедать, я заметил метрах в четырехстах от меня лисицу. Она мышковала на широком открытом поле и вела себя очень спокойно и уверенно. А между тем соседние высоты гремели пулеметным огнем. Немецкие снаряды летели и рвались на поле. Когда снаряд пролетал слишком близко, лиса ложилась и плотно прижималась к снегу. Так лежала она, пока снаряд не разрывался и не переставали визжать осколки. Потом поднималась и снова начинала спокойно охотиться. Вообще со стороны картина получалась занятная. Когда один или несколько снарядов с визгом и воем неслись сюда, одновременно ложились и лисица — предмет наблюдения, и я — наблюдатель. Так продолжалось минут пятнадцать. Спокойствие зверя было поразительное. Затем в лисицу кто-то дважды выстрелил издали из винтовки, и зверь галопом убежал в кусты.

Примерно 14 декабря видел (в дер. Черная Болотница) также любопытную вещь. Около сарая, где был сложен необмолоченный лен, постоянно толклась стайка или стая различных певчих птиц. В этот день я специально пошел посмотреть, что происходит там. Птицы кормились, причем стайка была так пестра, что я хочу просто перечислить виды: снегирь, овсянка, домашний и полевой воробей, зеленушка, чечетка, зяблик, коноплянка. Зяблик был представлен тремя особями, чечетка — пятью. Нет надобности говорить, что это исключительный случай. И тот и другой вид зимует редко и только единичными экземплярами.

Вообще если для некоторых видов изменение жизненного ритма я мог объяснить особенностями войны, то для других этого сделать пока не рискую. Однако пребывание зимняков и сов можно объяснить чрезвычайным обилием мышевидных грызунов; точно так же певчие и некоторые другие виды, очевидно, остались потому, что необычайное количество сорняков осталось на наших полях.

10 января, 1944 год, дер. Павловичи.

6 января был в Усвятском районе, Смоленской области, в дер. Ладога. Дни стояли необычайно метельные. В этой деревне наблюдал трех домовых сычей. Это еще одно из немногих наблюдений над этим видом в Смоленской области. Днем здесь они скрываются в сараях. Иногда вылетают, пугая своим появлением воробьев. Лунные ночи позволили наблюдать охоту этих птиц.

...Вспомнилось одно наблюдение над хищником. Биологически оно не ново, но интересно по обстановке. В феврале 1942 года мы вели сильные бои в районе гор. Сухиничи. Много было здесь с обеих сторон огня, в частности — зенитного (вражеские бомбардировщики появлялись очень часто). От поминутно возникающей канонады то и дело срывались с земли стаи галок, носились в воздухе, снова опускались и опять взлетали. В это время часто (ежедневно по два раза) видел я тетеревятника. Не обращая внимания на огонь, он то и дело бросался в стаю. Ястреб быстро отсекал одну галку и начинал ее чрезвычайно упорно преследовать. Настойчивость ястреба была поразительна. Преследуемая птица, увертываясь от наседающего хищника, часто врывается в стаю. Я едва успевал следить за ней. Хищник не терял ее из вида, опять выгонял из стаи и, не обращая внимания на других мечущихся птиц, продолжал преследовать намеченную ранее.

Носясь среди облачков шрапнельных разрывов, хищник действовал сосредоточенно. Он только охотился, и для него как бы не существовало всей необычайной боевой обстановки. По большей части он, в конце концов, ловил галку. Так продолжалось больше месяца. Потом ястреб исчез: подходило время брачных забот у этого вида.

Я вспомнил об этом спустя два года (дневника в то время я не вел) в связи с наблюдениями, сделанными в последние дни над сорокопугами. Я неоднократно встречал этих оригинальных птиц и в прошлые зимы — одиночками на вершине куста или низкого дерева. Я почему-то с детства равнодушен к этой птице. Относительная редкость ее у нас, необычное оперение, поразительное умение чрезвычайно разнообразно петь — все это заставляло мечтать о том, чтобы подержать эту птицу в клетке, послушать ее песни... Мечта эта так и осталась пока неосуществленной.

Одним словом, пристрастие мое к сорокопугу таково, что я всегда рад был увидеть его, внимательно к нему присматривался. Чем питается он зимой? Ясного представления об этом я не имел до последних дней. Теперь знаю. Одну и ту же птицу я постоянно наблюдал возле скирд необмолоченного овса. Нетрудно было догадаться, что делал здесь этот маленький хищник. Наблюдения подтвердили, что сорокопуг, срываясь с вершины скирды и стремительно «ныряя» к ее основанию, ловко ловил мышей; их было здесь очень много. Насколько я мог заметить, он схватывал грызуна своим крепким клювом, быстро перехватывал лапами и, сильно ударив раза два клювом, убивал. Он уносил мышь не на свой «наблюдательный пункт», а на отдаленный — торчащий из-под снега камень.

Чуть ли ни у Брэма читал я о том, что сорокопуг зимой нападает и на мелких певчих птиц. Видеть это прежде мне никогда не приходилось. Несколько дней назад в сильнейшую пургу я шел по дороге среди поля, закрываясь от ветра плащ-палаткой. Сбоку в нескольких кустиках сорняков возились две чечетки. Ветер так трепал кустики сорняков, что птички не могли держаться на них и ютились у корней, что-то расклеивая там. Почти одновременно заметил я сорокопуга, низко летевшего почти над землей, против ветра. Двигался он очень медленно. Оказавшись над сорняками, он вдруг заметил чечеток. Длинный его хвост метнулся вверх. Хищник «колом» упал вниз и промахнулся. Чечетки не сразу вылетели на ветер. Некоторое время сорокопуг гонялся за ними среди корней трав по снегу; видно было только частое мелькание крыльев. Потом чечетки вылетели из сорняков, пропали в метели. Сорокопуг сел на сильно раскачиваемую ветку лопушника, с трудом балансировал на ней некоторое время, затем улетел в другую сторону.

Вчера в сильную оттепель сорокопуг, неожиданно появившись, бросился в стайку воробьев, возившихся у сарая, и схватил одного из них. Он быстро убил воробья и понес. Я стоял рядом и хорошо видел, как делал он это. Сорокопуг держал добычу в когтях, и казалось, что она несколько велика по сравнению с ростом

самого охотника. Часто-часто трепеща крыльями, он едва нес его, однако улетел так далеко, что скрылся из глаз.

20 января, 1944 год, дер. Забумерье, 10 км от гор. Городок, Витебской области.

Сильные метели этой зимы вынудили часто применять снегоочистители — тяжелый треугольник из бревен, тащимый трактором. Снегоочистители проделывают свежие дороги через поля и луга. Я обратил внимание на следующее. При прохождении треугольника смещаются в сторону подснежные галереи мышей и полевок. Сами они массами оказываются задушенными в этих снежных валах. Многие выползают из валов на дорогу еле живые и замерзают здесь. Почему бы в мирное время не уничтожать грызунов на полях этим способом! Один человек, идущий сзади с палкой, мог бы легко забивать грызунов. Этой зимой их по-прежнему чрезвычайно много.

25 января, 1944 год, дер. Стайки, Городский район, Витебской области.

...Тот, кто не был на фронте, совершенно не в состоянии судить о том, насколько та или иная местность может быть насыщена людьми. В районе дер. Стайки повсюду открытые холмистые уголья, и поэтому небольшой лесок набит людьми до предела. Обломали на шалаши почти все кусты, и почти под каждым из них — человек. И все-таки в лесу упрямо держится несколько русаков. Надо видеть, какой поднимается шум и гвалт, когда кто-нибудь, чуть не наступив на него, вспугнет зайца. Его пытаются поймать сотни людей. Понятно, что заяц изгоняется из леса, но на следующую ночь он опять возвращается сюда. У людей это назвали бы редкой стойкостью: ведь возвращение грозит смертью. Как назвать это у животного? Экологический консерватизм? Не знаю, так ли.

4 февраля, 1944 год, дер. Белянка, Витебского района.

Вот уже почти месяц стоят сплошные оттепели. Зима небывало теплая. Снег пропитался водой. По опыту знаю, что если бы ударил мороз, то мышевидные грызуны погибли бы, замерзли в своих подснежных галереях. Но, пока морозов нет, грызунов повсюду множество. Только этим может быть объяснена зимовка ястребов и сов, о которой я писал раньше.

Ночи сейчас светлые. Я почти каждую ночь провожу под открытым небом: идут сильные наступательные бои. Каждую ночь вижу этих одиночных птиц. Низко летают они над полями, присаживаются на деревья, придорожные вехи. Три дня кряду вижу я их здесь и пока не могу понять, одни и те же птицы попадают мне на глаза или разные. Первое очень вероятно, так как эти хищники зимой, вероятно, оседлы и имеют определенный охотничий район. Зимняки, как кажется, встречаются много чаще болотных сов, но определить это ночью, на расстоянии, особенно при движении птиц, очень трудно. Факт зимовки болотных сов продолжает меня крайне смущать. Но факт этот несомненен.

6 февраля, 1944 год, дер. Забумерье, Витебский район.

Сегодня вечером ко мне вошел, часовой и сказал, что какой-то зверь бегаёт около дома. Я вышел. На снегу у блиндажа виднелся живой комок. Луна светила очень ярко: она сейчас восходит с вечера. Я подошел ближе. Комок развернулся в гибкого зверька, который, не торопясь, отбежал к блиндажу. Был он от меня в пяти шагах. Это был взрослый хорек. Зверек с любопытством глядел на меня, словно недоумевал: чего я хочу от него. Я попытался подвинуться ближе. Тогда хорь спрятался в нору под бревном, но тотчас же высунул голову и зашипел, застрекотал на меня. Я не стал беспокоить больше доверчивого зверька и ушел к себе. В домах масса полевых мышей. Они болеют и гибнут от какой-то болезни, но туляремии в этом году нигде среди людей нет. Видимо, это что-то другое. Перенаселение грызунов не проходит им даром.

11 февраля, 1944 год, дер. Хучени.

Гвардии старший лейтенант Марк Кулешин попросил меня объяснить ему один случай. В Курской области в 1926 году пахали они с отцом в поле. Отец заметил в овраге лисью нору. Марк принес лопату, стал раскапывать ее. Скоро трое лисят оказались в мешке. Марк положил его возле телеги и здесь же на костре стал варить обед. Отец пахал.

Через некоторое время появилась старая лисица. Она подошла шагов на тридцать и легла, положив морду на передние лапы и обратившись к телеге и к мешку. Марк бросил в нее палкой. Она встала, отошла на несколько шагов и легла опять. Прошло часа два. Отец с сыном пообедали, собирались уезжать. Обратили снова внимание на лисицу и пошли к ней. Она не шевельнулась, была мертва. С нее позже сняли шкуру. На теле не было никаких повреждений. Я долго «допрашивал» Кулешина. Он клялся, что все было именно так. Это напоминает необычайные рассказы о животных, но здесь будто бы имел место факт.

22 февраля, 1944 год, дер. Лешня, Пустошкинский район.

Пришлось два дня провести в тылу, вне досягаемости любого огня. Теперь ясно почти полное отсутствие у передовой серых ворон. В зоне боевых действий их почти не встречаешь. Эта более чем обычная птица явно избегает поля боя, чего никак нельзя сказать о вОроне, парочки которых сейчас то и дело появлялись в солнечном небе и вели брачные игры.

4 марта, 1944 год, дер. Якимово, Пустошкинский район.

Сегодня говорил с одним офицером — моим товарищем, который знает о существовании этих записок. Он удивляется, как можно вести наблюдения, находясь в таком положении, до предела будучи занятым своим прямым обязательным долгом.

Просмотрев записки, сделанные за год, я пришел к заключению, что их очень мало, но они тем и ценны, что сделаны именно в этой обстановке. Все-таки они необычайны. Все-таки влияние войны, сказавшееся на поведении животных, так или иначе подмечено здесь.

Сегодня совсем весенний день. В болоте, поросшем березами и можжевельником, уйма заячьих следов. Зайцы бегают парами. Белые куропатки кормятся, вороны играют в синем, ярком небе...

16 марта, 1944 год, Пустошкинский район, Великолукской обл.

Позавчера, зайдя в одно из стрелковых подразделений, наткнулся на необыкновенную картину. Бойцы свеживали двух убитых косуль. Всего час назад обе были убиты снайпером. Это взрослые экземпляры. Рога покрыты бархатистой кожей. Добыты они у самой передовой линии. Вчера видел следы трех этих животных приблизительно в этих же местах.

Надо сказать, что за последние двадцать дней здесь уже неоднократно начинались ожесточенные бои, сопровождавшиеся сильнейшим артиллерийским огнем с обеих сторон. Трудно поверить, чтобы такие осторожные и пугливые звери могли остаться в этих местах. Однако это так. Косули не покидали своих перелесков, густо поросших кустарником, с многочисленными высотами и глухими оврагами. Косулям здесь особенно трудно, так как они подвергаются прямой опасности, которая, если иметь в виду большую концентрацию вооруженных людей, очень велика. Стоит ли после всего этого упоминать о том, что здесь я снова встречаю серых куропаток и русаков.

Белые куропатки относятся, видимо, к числу животных, наиболее избегающих района боев. Их мало, и я до сих пор ни разу не встречал их непосредственно на передовой.

Здесь также много зимует серых сорокопутов.

Ставлю это в прямую зависимость от обилия грызунов.

Ночь с 17 на 18 марта 1944 года. Лес возле дер. Южная Горка, Пустошкинский район.

Я уже много писал о животных, уживающихся с фронтовой обстановкой. Может быть, не стоит писать об этом дальше? Не думаю! Во всяком случае, не все виды могут смириться с этими условиями.

В районе дер. Луга весь день шли жестокие бои; ночью я вышел из блиндажа. Ночь очень теплая, сырая. По лесу, где расположен мой блиндаж, била немецкая артиллерия. Снаряды рвались в двухстах, трехстах метрах. Эхо от частых разрывов дробно раскатывалось по лесу. Я потушил папиросу и собирался уже вернуться в блиндаж, как знакомый, волнующий звук донесся до слуха. В лесу, обстреливаемом немецкой артиллерией, кричала неясно. Она кричала ровно, как всегда; протяжный крик ее чередовался с хохочущим завыванием. Ночная птица пела свою дикую древнюю песнь в этом искалеченном разрывами лесу так, словно

здесь не было ничего пугающего. А снаряды выли в непроглядном небе, и вслед за мгновенной вспышкой дрожали ободранные, иссеченные деревья. Яркие трассы цветных пуль проносились в вершинах. Неясыть все кричала... Я ушел в блиндаж.

20 марта, 1944 год, дар. Якимово.

Здесь край не может считаться лесным. Под лесами и болотами, поросшими деревьями, не более 1/3 площади. Остальное — поля, вырубки и луга. Я отмечаю это в связи с тем, что ряд птиц, вообще не связанных с лесом, теперь уживались в лесу. Воробьи, например, нигде за пределами деревень и сел никогда не встречаются. Сейчас картина изменилась: в населенных пунктах, как правило, нет ни складов, ни ДОПов — ни рассыпанного зерна, ни конского навоза. И вот воробьи отыскивали места, куда люди увезли съестное, и сейчас в глубине густого хвойного леса, где расположены склады, деревья буквально усеяны ими. Птицы резко сменили стацию, уйдя вслед за людьми в лесные чащи. Надо думать, что это — эпизодическое переселение. Уйдет фронт, уедут склады, и снова эти виды вернуться в населенные пункты.

29 апреля, 1944 год, дер. Якимово, Пустошкинский район.

25 апреля был проездом в г. Великие Луки. Я знал этот город лет десять назад. Теперь его не узнать: это мертвый город. Взрывами и снарядами исковерканы все каменные дома. Впечатление усиливается еще тем, что разрушенные кирпичные стены никогда не образуют прямых, пусть коротких, линий, они словно дробятся под гигантскими челюстями и страшно иззубрены. В их белых боках зияют глубокие частые раны. Тропинки, тротуары, мостовые заросли травой. Жителей почти нет.

Но действительно природа не терпит пустоты. Сюда пришло иное «население». В изуродованных стенах массах гнездятся скворцы, полевые воробьи, каменки, много домовых сычей. Очевидно, для них дома теперь уже не жилище человека, а нечто дикое, принадлежащее им... Ведь такие виды, как скворцы и полевые воробьи, никогда не гнездятся в каменных постройках; домовый сыч вообще отсутствовал здесь прежде, я твердо знаю это. Что же касается жаворонков, то они упорно избегают городов, а сейчас — здесь...

Стация — разрушенный город!

13 июля, 1944 год.

23 июня начали наступать. Очень сильная оборона противника под г. Орша, в районе Осинстройа, была прорвана с большими боями. Дальше было нечто ураганное — Орша, Борисов, Минск, Молодечно и, наконец, сегодня, 13 июля, — Вильно. Вражеский гарнизон здесь частью уничтожен, частью пленен. Но ведь не это является главным предметом моего не совсем обычного дневника.

В несколько дней промелькнула Польша с заповедными для широких масс «казенными» и частными лесами, в которых, говорят, уйма косуль, лосей, волков. Повсюду говорили, что совсем нет медведей. Это интересно; зверь, быть может, истреблен широкими панскими «охотами»...

Впервые видел голубей, сидящих на подоконниках крестьянских хат и подпускающих к себе вплотную, — это совсем ручные птицы. Здесь же, под стрехой крыши, подвешены к стене плетенные из соломы кошелки, в которых голуби гнездятся. Надо добавить, что я веду речь не о культурных породах голубей, а об обыкновенном сизом голубе. В России я никогда не видел ничего подобного.

Зато здесь совсем не видно скворечниц. Любимая русская птица — скворец — здесь, видимо, не в моде.

А в деревнях моей родной Смоленской области люди, ютившиеся под несколькими досками, под листьями обгоревшего кровельного железа, в ямах, все же воздвигали над развалинами и пеплом шести со скворечницами. Птичьи домики были свежими, только что сделанными. У каждого из них, помахивая крылышками, булькала, взвизгивала, свистела иволгой темная блестящая птичка. Может быть, обездоленные люди хотели видеть счастье хоть у птицы и это птичье счастье было символом того, что вернется и счастье человеческое?.. Или они поторопились поставить скворечницы, чтобы птицы не отвыкли от деревни, и эти обитаемые веселые домики говорили о том, что снова обстроится, снова начнет жить деревня?..

Всего этого и в помине нет в Польше с ее почти целиком сохранившимися деревнями — «весками». Здесь в почете голубь. Очень любим здесь белый аист. В направлении к Литве он — неотъемлемая часть пейзажа.

Польша, с ее живописными парками, фольварками, каменными и деревянными крестами у имений, с образком и полотенцами у «весок», остается позади. На перекрестках больших дорог стоят цементные или каменные часовни с распятием, со статуей девы Марии. Но почти нет по большакам и шоссе родных поникших берез. Их заменили клены, дубы, тополи и столетние ольхи. Красиво, но... непривычно. Вообще же декоративной растительности много. Началась Литва. Посмотрим, что даст она. Близка имперская германская граница...

14 июля, 1944 год.

Едва не забыл написать одно любопытное наблюдение.

В день прорыва, 23 июня, утром я приехал на огневые позиции артдивизиона. Они стояли в редком сосновом лесу, в полутора километрах от противника; он часто и сильно бил сюда из минометов.

Бродя по расположению, обратил внимание на висящее на сучке сосны брезентовое ведро. Оно съежилось, но в отверстия были вставлены крест-накрест палочки — распорки. Я прошел бы мимо, если бы не увидел птичку, присевшую на распорку и юркнувшую внутрь ведра. Эта была мухоловка-пеструшка.

Артиллеристы рассказали, что ведро провисело на дереве несколько дней и пеструшки свили в нем гнездо. Люди не тронули ведра, а заботливо вставили распорки.

Теперь в этом необыкновенном гнезде были уже птенцы. Их поминутно кормили самец и самка.

— Она у нас смелая, чуть на голову не садится, — сказал мне офицер-артиллерист.

Птица и в самом деле была очень смела, ловила насекомых у самых наших голов. Началась артподготовка. Пушки били в сорока метрах беглым огнем. Немцы отвечали. На весь этот громовой концерт пеструшки не обращали решительно никакого внимания.

Скоро наметился прорыв обороны немцев на болоте у села Остров Юрьев. Я должен был срочно двинуться туда. Мы поручили оставшимся в тылу охранять брезентовое ведро с гнездом мухоловок...

...Через шесть дней после этой записи Леонид Гончаров был убит. Он погиб на боевом посту.

Страстный любитель природы и знаток охоты похоронен в дер. Швабишки, в 8 км восточнее г. Алитус, поблизости от с. Олава.

Капитан Гончаров посмертно был награжден орденом Отечественной войны.

Охотник-натуралист на фронте